

Игорь Гергенрёдер – завотделом газеты «Знамя коммунизма». Новокуйбышевск, 1977

ревело на немецкий и издало мою автобиографическую повесть «Дайте руку королю». Так я обрел, не без собственного участия, место под солнцем, где могу совершенно свободно творить, где моих вешей ждут. Что мешало мне добиться этого, то есть сформировать себе Родину? Ничто не мешало – наоборот, помогало. Я говорю о социальных условиях, о материальной помощи. Вера же моя всегда была со мной, вера в то, что надо упорно идти однажды выбранным путем литературного поиска.

Беженцы, переселенцы

– Месяц назад мы отметили траурную дату – 75 лет со дня издания Указа о депортации немцев Поволжья. Какие мысли в связи с этим у Вас возникают? Каким Вам видится будущее нашей молодежи в Германии?

– Мои отец и мать, бабушка по матери, моя старшая сестра, которой уже нет в живых, пережили выселение по Указу от 28 августа 1941 года. Затем мою мать мобилизовали в трудармию, и бабушка с моей одиннадцатилетней сестрой остались без кормильцы в поселке Восточного Казахстана. Они голодали, отравились собранным в поле проросшим зерном, едва выжили. Подобной была судьба всех моих соотечественников, которых лишили всего нажитого, превратили в невольников.

И это историческое преступное деяние не нашло исправления в стране, где оно совершилось. Автономная республика немцев Поволжья не была восстановлена, за отнятое у выселенных имущество не было заплачено ни гроша. И потому о нас позаботилась Германия, она приняла нас как пострадавших во время войны по причине нашей немецкой национальности. Нашей молодежи, о которой Вы спрашиваете, надо помнить об этом, и тогда все у нее в Германии будет отлично.

– Мы пережили катастрофические социальные изменения на прежней Родине и в Германии становимся свидетелями неоднозначных процессов. Каково Ваше отношение к недавнему арабскому исходу в Германию? На сколько близок Вам библейский постулат «Пришельца не притесняй и не угнетай его...» (Исход 22:20)?

– Мне довелось услышать: есть-де российские немцы, недовольные тем, что Германия принимает беженцев. «Но вас же приняли! Вы такие же беженцы», – заявили мне. Нет, не такие. Я уже сказал, почему Германия приняла нас. Если Германия – дерево, то мы – его побег, выросший в другой стра-

Перевернула мою жизнь

Писатель Игорь Гергенрёдер – о переселенцах и беженцах, ядерных испытаниях в СССР и будущем молодых российских немцев в Германии.

О ВРЕМЕНИ
И О СЕБЕ

В Германию Игорь эмигрировал в 1994 году из Молдавии и уже больше двадцати лет живет в Берлине. Вообще-то он не любит давать интервью, считая, что все можно прочитать в его книгах. Этот разговор назревал долго, в течение пятнадцати лет, – именно столько времени прошло со дня нашего знакомства. Заголовок интригует, не правда ли? Конечно же, литература на всю жизнь определила вектор деятельности и интересов писателя. Это бесспорно. А совсем недавно произошло событие, ключевым образом изменившее его личную жизнь. Об этом и многом другом с Игорем Гергенрёдером беседует Надежда Рунде.

Обретение родины

– Начнем с цитаты из Вашего рассказа «Мы были в крестовом походе»: «Мы должны оставаться христианами... Из чужой почвы и из собственных крови и пота мы творим себе родину...» А писателю Игорю Гергенрёдеру удалось сформировать свою Родину? Что мешало в этом процессе больше всего и что помогало? Может быть, вера?

– В первые мои дни в Берлине я навел справки о Государственной библиотеке, отправился туда и стал искать русскую литературу, которая не выходила в СССР и не попадалась позже. Я увидел журнал «Границы», издававшийся во Франкфурте-на-Майне.

О нем в университете нам говорили, что это очень опасный антисоветский журнал. Чтение его меня захватило, захотелось написать для «Границ». Так появились две мои повести – «Птенчики в окопах» и «Комбинации против Хода Истории». Они написаны по воспоминаниям об устных рассказах моего отца, который в пятнадцать лет стал участником Гражданской войны на стороне белых. Повести вышли в «Границах» (№№175, 177) в 1995 году, когда я с семьей еще жил в общежитии для переселенцев. Вот тогда пришло чувство, что я на Родине – в Германии, тесно связанной с Россией. Здесь оказались востребованы мои литературные работы, мне перевели гонорары. Меня поддержало старое поколение русской эмиграции, эти люди завязали со мной дружбу.

А вскоре заинтересовались мной и немцы: издательство Volk und Welt пе-

Игорь Гергенрёдер
в студенческие годы

не. Мы возвратились к нашим корням. Вспомним, какие вопросы содержались в формулярах, прилагаемых к прощению принять нас. Требовалось доказать, что в СССР мы значились немцами, что были выселены, что немецкий язык – родной для нас, мы сдавали тест на его знание. Мы должны были принадлежать к одной из тех религий, которые со старых времен исповедуют коренные немцы в Германии. То есть должна была быть налицо наша связь с германским национальным духом, с германской культурой, с традициями Германии. Она приняла нас не как беженцев, мы – поздние переселенцы, как гласит германский закон.

Но это не значит, что для нас не свят постулат «Пришельца не притесняй и не угнетай его...». Если пришелец – беженец, то будь он араб или человек какой-либо другой национальности, расы, ни в коем случае не ставь себя над ним даже в мыслях, не считай, что ты лучше его. Если беженец в нужде, помоги ему, поделись с ним, чем можешь.

Если в нужде... Вот об этом позволю себе порассуждать. Я не замечал среди беженцев, которых показывают по телевидению, а также среди тех, которых видел в Берлине, людей немощных, инвалидов, стариков. Все, кого мне довелось увидеть, не стары, хорошо выглядят. Молодые люди модно пострижены, женщины – при макияже.

Только вчера я наблюдал, как беженцы выходят из новейшего автобуса. Если они и пережили нечто страшное, то несчастья не оставили на них ни малейших следов. По виду они ничем не отличаются от туристов, которых ожидают комфорт, обслуживание за их деньги. Беженцев же ожидают блага за счет германских налогоплательщиков. И это при том, что 18% населения ФРГ живет за чертой бедности. И еще. В ком, как не в этих беженцах, молодых, здоровых людях, нуждаются страны, откуда они бегут? На ком, как не на них, долг – навести на их родине порядок, восстановить нормальную жизнь?

Представьте СССР в войне с фашистской Германией. И советская молодежь устремляется к границам с Китаем, Афганистаном, Ираном, требуя принять ее: нас, мол, бомбит фашистская авиация, города и села штурмуют танки! Дайте нам убежище!

Интересно, как это было бы воспринято? А в Германии власть требует воспринимать такое явление как впол-

не нормальное. Почему же большинство населения молчит? Потому что те, кому это выгодно, эксплуатируют чувство вины немцев за развязанную нацистами Вторую мировую войну. Виновники злодеяний понесли заслуженное наказание, однако ныне живущие немцы травмированы прошлым, «ушиблены» войной, и им навязывают то, чего другой народ не принял бы.

Первый Чернобыль

– Игорь, всякая литература начинается с разговора. В конечном счете литература – это стенограмма эпохи. Из каких маленьких разговоров выросла Ваша большая литература?

– Из разговоров с моим отцом, который участвовал в Гражданской войне, впоследствии выросли повести. Были и другие разговоры, слышанные мною в детстве, их вели между собой взрослые. Когда из ухваченных в разное время обрывков воссоздалась картина, она меня поразила, захватила мое воображение.

14 сентября 1954 года близ Тоцка, что в ста километрах от Бугуруслана, где я родился, была испытана атомная бомба. Впоследствии я читал, что по мощности она в два раза превосходила американскую, которая поразила Хиросиму, но есть предположения, что она превосходила американскую еще больше. Ее намеренно взорвали в густонаселенном оренбургском kraе, чтобы на «натуральном» материале воспроизвести ситуацию ядерной войны, к которой готовились. Жителям одних сел велили по сигналу тревоги укрыться в от-

крытых ими окопах, другие должны были накрыть окопы досками и слоем земли. Потом сравнивали влияние взрыва на тех и других.

В местах испытания бомбы сосредоточили сорок пять тысяч военнослужащих, часть их заняла окопы всего в пяти километрах от эпицентра. После того как бомба взорвалась, солдаты пошли в атаку на условного противника по территории, пораженной ядерным ударом. Многих ждали болезнь и смерть. В их память и в память умерших мирных жителей звонит колокол.

Уральские kraя стали местом еще одной трагедии. 29 сентября 1957 года в засекреченном городе «Челябинск-40» (его называли Сороковой), на комбинате, который производит начинку для ядерных боеголовок, случилась авария. Это был первый Чернобыль.

Памятник на Тоцком полигоне пострадавшим от испытаний

Полосу заражения обозначили как Восточно-Уральский радиоактивный след (ВУРС). Он протянулся по территории трех областей – Челябинской, Свердловской и Тюменской, в его зоне оказались 272 тысячи человек – жители 217 населенных пунктов. Из 23-х вывезли людей, запретив брать с собой что-либо, и предоставили им самим искать себе кров. Их дома обратили в мусор, который бульдозерами сгребали в водоемы, в вырытые ямы. Домашних животных убивали и сжигали.

Все, связанное с этой катастрофой, держалось в секрете, пока не настало пора гласности. Примечательно, что комбинат в бывшей Сороковке (ныне город Озерск), названный «Маяком», и теперь производит прежнюю продукцию, заражает окружающую среду.

Так вот, об испытании бомбы близ Тоцка, о первом Чернобыле рассказало много, приведено достаточно данных, но художественного произведения об этих трагедиях нет. Я же считаю, что они требуют художественного отображения, как того требует тема войны. Поэтому я написал роман, в котором судьбой героя объединил Тоцкое испытание бомбы и «первый Чернобыль». Назвал его «Гляди на маяк». Его тема сегодня актуальна. За «первым» последовал второй Чернобыль, затем мир узнал о Фукусиме. А что в будущем?

Сегодня мы видим, как жители Германии протестуют против провоза через страну отходов германских же АЭС – люди ложатся на рельсы перед составами. А в России, куда отходы везут на хранение, в стране Тоцкого испытания и первого Чернобыля, население молчит. Поэтому я хотел бы, чтобы мой роман вышел в России.

(Окончание в следующем номере)

Мама Игоря Ирма Яковлевна Гергенрёдер
(урожденная Вебер). Бугуруслан, 1966

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Изменила мою жизнь

Писатель Игорь Гергенрёдер – об отце, Белом движении, экологии и личной жизни. Окончание. Начало в КШ №40/2016.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Мой сегодняшний собеседник известен в литературной среде Германии, и не только среди русскоязычных литераторов. Его романы и повести переводят и издают на немецком языке.

– Игорь, сколько всего произведений создано Вами и какое из них Вы считаете самым значительным?

– Я написал три романа и более сорока повестей, рассказов, сказов и сказок. Это немного. Пишу я, как говорил о себе Юрий Олеша, трудно. Я задерживаюсь почти на каждой написанной фразе, переделывая и переделывая ее. Из всего написанного выделяю романы «Донесенное от обиженных», «Грация и Абсолют», «Гляди на маяк».

О тайне Николая II

– Пик Вашей литературной деятельности когда произошел?

– До последнего времени мне думалось, что он пришелся на тот период, когда я написал роман «Донесенное от обиженных». Последний – подправленный и дополненный – вариант был закончен в 2003 году. В романе я даю свою концепцию, объясняющую тайну отречения от престола Николая Второго. Принято считать, что никакой тайны тут нет. Однако я уверен, что она была, и беру на себя смелость (наглость) полагать, что раскрыл ее. Прошло несколько лет, и я написал

роман «Гляди на маяк», о котором уже рассказал, и теперь думаю, что пик моей работы пришелся на него.

Друзья и собеседники

– Собеседником практически на всю жизнь стал для Вас отец. Он, как и Вы, был журналистом. Можете рассказать, чему Вы от него научились?

– Мой отец Алексей Филиппович Гергенрёдер был не только журналистом. До Великой Отечественной войны, когда его как немца мобилизовали в трудармию, печатались его рассказы и повести, весной 1941 года он закончил Литературный институт.

Чтобы рассказать о том, чему научил меня отец, понадобится не одна страница. Обо всем этом можно прочитать в написанной мною биографии моего отца. Она размещена в интернете под

Игорь Гергенрёдер
в окрестностях Берлина

заголовком «Участник Великого Сибирского Ледяного похода».

– Где и когда Вы встретили своих лучших друзей и собеседников?

– Когда я учился на первом курсе отделения журналистики Казанского университета, меня стал опекать третекурсник Владимир Андрющук, чья незаурядность открылась мне в его мировоззрении, которое в корне отличалось от общепринятого. Он давал необыкновенно точные и исчерпывающие характеристики нашим преподавателям, сумел втолковать мне, что такая публицистичность публицистики, я потом с благодарностью применял это на практике. О каких только вопросах мы с ним не рассуждали! Наша дружба продолжалась и потом, когда после окончания университета Владимир Андреевич Андрющук работал в Москве в центральных изданиях. При каждой возможности я приезжал к нему. Всякую мою новую литературную работу первым делом показывал ему, и его мнение было решающим. Благодаря ему были написаны вещи, которые считаю удивительными. Он ушел из жизни в 1997 году – прекрасный журналист, буквально бывший за передовые начинания в науке, в индустрии. Он был очень добрым человеком, идеалистом. Я до сих переживаю, что его нет.

Летом 1974 года я проходил практику в Риге в газете «Советская молодежь» и познакомился с приехавшим из Свердловска (Екатеринбурга) Андреем Козловым, он хотел поступить в Латвийский университет. У нас оказались близкие взгляды на политику, искусство, литературу. Я рассказывал Андрею о том, что знал о левых и правых в ФРГ, а Андрей открыл для меня философию дзен-буддизма. Оба мы любили писателя Германа Гессе, подолгу говорили о его «Паломничестве в страну Востока», о романах «Степной волк», «Игра в бисер». Наша дружба продолжилась и после того, как я вернулся в Казань, а Андрей Козлов – в Свердловск. Мы переписывались, приезжали друг к другу в гости. Дружим мы и теперь. Андрей Анатольевич Козлов – великолепный публицист, сатирик с замечательно интересным уклоном в философию и историю. Живет он в Екатеринбурге.

О Ледянном походе

– Несколько лет я дружу и сотрудничаю с известным режиссером, сценаристом и продюсером Сергеем Леонидовичем Зайцевым, – продолжает Игорь Гергенрёдер. – Человек он более чем занятой: член-корреспондент На-

циональной Академии кинематографических искусств и наук России, директор и художественный руководитель киностудии «Русский путь», президент киноклуба «Русский путь», президент международного кинофестиваля «Русское Зарубежье», председатель Комитета по награждению медалью имени Михаила Чехова. Поэтому мне особенно дорого то, чем он со мной делится.

Сергей Леонидович заинтересовался моими повестями о Белом движении, его увлекла фигура моего отца, ушедшего из жизни двадцать шесть лет назад. Он решил создать документальный фильм об отце по моим воспоминаниям и воспоминаниям знавших его людей. Сергей Леонидович приехал ко мне в Берлин из Москвы, и работа началась. Позже он приезжал ко мне с кинооператором Владимиром Полянским.

Идет работа и над художественным фильмом по одной из повестей под названием «Грозная птица галка», фильм же будет называться «Божьи люди».

Мы постоянно общаемся с Сергеем Леонидовичем благодаря электронным средствам связи, рассуждаем о том, что молодые участники Белого движения были, несомненно, верующими людьми. Нас занимают разнообразные подробности их жизни и вообще реалии того времени, когда живы были понятия чести, гордости, благородства.

Сергей Леонидович побывал в Кузнецке, где вырос мой отец и откуда ушел добровольцем на войну, заснял здание реального училища, где отец учился. Потом последовала поездка в Бугуруслан, где отец преподавал в школе уже после войны. Он встретился с бывшими учениками отца, мне прислали фотографию школы. Затем Сергей Леонидович отправился в Новокуйбышевск, куда мы в 1967 году переехали из Бугуруслана, нашел могилу отца и вместе с моим другом юности Анатолием Евгеньевичем Смирновым установил на могиле белый гранит. На нем будет выгравировано изображение знака «Участник Великого Сибирского Ледяного похода».

Жена художника

— В последнее время моим первейшим собеседником и другом стала жена Алла Гергенрёдер (Alla Hergenröther). Медсестра с ценным опытом, она перевернула мою жизнь, вплотную

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Отец нашего героя Алексей Гергенрёдер — первый в верхнем ряду справа

занявшийся состоянием моего здоровья, объясняя мне то, другое, третье, чего я не знал. В детстве я перенес полиомиелит, с возрастом последствия заболевания стали все более сказываться, моя жена stoически борется с этим.

У нас с ней одна сфера интересов, куда входит и экология. О ней Алла говорит неизменно эмоционально и со знанием дела. Она, например, рассказала, что в Омске, где она жила до переезда в Германию, почти исчезли воробы и рыжие муравьи. Какова причина? Не отражается ли она и на здоровье людей? Алла высказывает различные предположения, рассказывает, что в Омске катастрофически растет число онкологических заболеваний. У Аллы ищущий острый ум, его отличают и логика, в которой отказывают женщинам, и поэтичность. Меня поразило восприятие Аллой поэзии Николая Гумилева, моя жена открыла в его стихах

такие нюансы, каких я не предполагал. Увлекаясь разговорами с Аллой, какой бы темы они ни касались, безраздельно погружаешься в ее ауру оптимизма.

— Великий физик Исаак Ньютона считал, что гений есть терпение мысли, сосредоточенной в известном направлении. А в чем, по-Вашему, может заключаться гениальность писателя?

— Мне близко сказанное германским поэтом Фридрихом Гельдерлином: «Кто переступает через свое страдание, вступает в высшие области». Я понимаю это так: вступление в высшие области означает создание произведений, которые будут признаны гениальными.

— Какое писательское качество в себе Вы считаете самым ценным?

— Умение насмешливо поглядывать со стороны на свои работы и самого себя.

Наша справка

Игорь Алексеевич Гергенрёдер — прозаик, поэт, публицист, родился 15 сентября 1952 года в городе Бугуруслан Оренбургской области в семье выселенных туда поволжских немцев. Отец Алексей Филиппович Гергенрёдер преподавал в средней школе русский язык и литературу, мать Ирма Яковлевна (урожденная Вебер) была бухгалтером.

Игорь с отличием окончил факультет журналистики Казанского государственного университета. Работал в газетах Риги, Новокуйбышевска, Саранска. В 1985 году дебютировал в литературе: рассказ «Испытание «Тарана» был опубликован в сборнике «Поиск-85».

С 1994 года живет в Берлине. Член правления Союза русских писателей Германии. В 1997 году в сокращенном журнальном варианте вышла его повесть «Дайте руку королю» («Новая студия», №1/1997). Переведенная на немецкий язык, она в 1998 году была выпущена издательством Volk & Welt и имела большой резонанс в прессе (Spiegel, Die Zeit, Süddeutsche Zeitung, швейцарская Neue Zürcher Zeitung). На русском языке в полном объеме напечатана в журнале «Мосты» (№4/2004).

Игорь Гергенрёдер — автор книг:

- «Русский эротический сказ»
- «Комбинации против Хода Истории». Сборник повестей, 1997
- «Близнецы в мимолетности»
- «Донесенное от обиженных»
- «Грация и Абсолют».

Надежда Рунде